

ЕЛЕНА КАРТУНОВА

Лунные письма

СБОРНИК СТИХОВ И МАЛЕНЬКИХ
СКАЗОК

Елена Картунова
Лунные письма. Сборник
стихов и маленьких сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615650
ISBN 9785448361395

Аннотация

Предлагаемая книга – второй сборник стихов, написанных Еленой Картуновой в разные периоды жизни. Стихи веселые и грустные, глубокомысленные и дурашливые. В них и быль, и сказки. Почему сборник называется «Лунные письма»? Наверно, потому, что Луна – муза поэтов и каждый поэт получает от нее особые послания, понятные ему одному.

Содержание

Обо всем	6
Когда-нибудь	6
Безумный поэт	7
Чудак	8
Хочу вернуть забытый аппетит	9
Странное дело	11
Не судьба	12
На кордоне	13
Поток мгновений	15
Рыжий ангел	16
Чудо авося	17
Чудовище	19
Еще есть надежда	21
Путешествие к себе	23
Зимний набег	25
Кабы	27
Дорожная зарисовка	28
Снежное	30
Обманщица	31
Лунные письма	32
Небесный танец	32
Любовь страшна	33
Уволенный хранитель	35

Волчья песня	37
Белая мечта	39
Любимая, спи	40
Зарисовка в пастельных тонах	42
Танец на выживание	44
Убаюкана буря	45
Незабываемый вкус	46
Любимый	47
Она нападает	48
Пока ты путаешь дожди	49
Как всегда	50
Хотите?	52
И они улетели	54
Ты где-то далеко	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лунные письма
Сборник стихов и
маленьких сказок
Елена Картунова

© Елена Картунова, 2017

ISBN 978-5-4483-6139-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обо всем

Когда-нибудь

Когда-нибудь, устав от слов

и механического шума,

уйду в края, где тишине поет признания ручей.

Ворчит осенняя трава. Сползает облачная шуба
с рассветных гор,

а лунный свет разносит сказки на плече.

Услышу песни облаков

о галактических интригах.

Костер, душевно обогрев, раскроет магию огня.

И я, наверно, напишу давно задуманную книгу,
где будут радость и любовь, и серенады бытия.

Безумный поэт

Безумие – дар? Наказание? Глупость?
Безумно несчастен безумный поэт.
Подспудно мерещатся «медные трубы».
Но чаще – нездешний, блуждающий свет.

Блаженно бредет по дорогам фантазий.
Безумно влюблен в неземной идеал
и рвется к нему, но не видел ни разу,
лишь смутно похожее что-то встречал
(во сне, может быть).

Очарованный странник
томящих видений далекой Луны.
Он чувствует, знает какие-то тайны —
такие, что близко другим не даны.

Романтик. Мечтами измученный гений.
Не понят. В душе – одинокий до слез.
Парящий под бездной, вскрывающей вены
щемящей печалью разбросанных звезд.

Чудак

Там где роза ветров распустилась до срока...
там, где спутаны нити дорог и судьбы,
поселился поэт. Верный пес у порога
то резвится в траве, то на солнышке спит.

По утрам прилетают ветра-почтальоны
за готовыми песнями – так повелось.
Их выносит поэт в серебристых флаконах,
раздавая по капельке.

Встав на крыло,
улетают гонцы. И мелодия слова
опадает дождями по всем сторонам.
Вырастают леса. В каждой шишке еловой
зреют ноты любви, зеленеет весна.
Семена разбирают зверушки и птицы,
разнося по «квартирам» – и в доме тепло.
А поэту опять этой ночью не спится, —
накопилась не спетая партия слов.

Хочу вернуть забытый аппетит

Накрытый стол. Дежурных блюд не счесть.
На первое – похлебка обещаний.
Надежды – на второе...

Есть – не есть?

Одно и то же. Может, просто чая
обычных грез, а веру – на десерт?
Судьба скупа, меню не расширяет.
Сюрпризов бы приятных.

Жаль, что нет
(поставки остановлены из Рая).
Лишь яблочки соблазна.

Не хочу.
Давно лежат, перебродили в уксус.
Давлюсь горчицей быта.

Соус чувств
без должной остроты. Беру закуску.
А в ней ингредиентов (!) чтобы суть
невнятную прикрыть букетом формы.
Подайте же на стол, хоть что-нибудь,
отличное от этой груды корма.
Хочу вернуть забытый аппетит.
Судьба ворчит, мол, сверху-то виднее,
кому какие выписать пути.
Но, если что...

Наверное, во сне я.

Несет куда-то ветер перемен.
К хорошему? Плохому? – неизвестно.
Кулечек от судьбы. В ней карамель.
Отменный вкус!

Лечу под звуки песни
о том, что «есть лишь миг», и это – жизнь.
Куда несет?

А, может быть, вернуться?
Спокойствие полезней для души.

...Все тот же стол.

Засохший быт на блюде...

Странное дело

Родился и топаешь вдаль по дороге
то шумной толпой, то вдвоем, то один.
Сначала за солнцем торопятся ноги.
Потом понимаешь, – родные пороги
милее, особенно в ночь и дожди.

Загадочно плещет Молочная Речка.
По лунной тропинке уходят мечты.
Но ты расправляешь уставшие плечи,
забыв, что идешь к остановке конечной,
и строишь из радужных строчек мосты.

И, странное дело, – они помогают.
От новых рассветов несутся пути.
Рисуешь старательно синь с облаками,
на лужах – дождей поцелуи кругами.
И верится – лучшее всё впереди.

Не судьба

Временами вспоминаю о вчерашнем
развалившемся на волнах корабле.
То ли был он опрометчиво бумажным,
то ли море показалось до колен

Декорации сияли свежей краской.
Даже крылья били воздух за спиной,
увлекая в нарисованную сказку.
Жаль – вмешались многочисленные «но».

Лишь душа по-птичьи верила в полеты,
где она до закипания в груди
всё искала свежевывавшие ноты
на обочинах макетного пути.

И теперь поет волнующие песни,
убеждая непорочную себя
в чистых помыслах героев глупой пьесы
под названием рабочим «Не судьба».

На кордоне

Вспыхнул свет и погас. Темнота и страх.
Оживились порохи – бродят по закоулкам.
Притихли мысли. А призраки в зеркалах
ждут момента в душу вонзиться, как в булку.
В горле сердце бьется: бум-бум, бум-бум.
Вяло топчется время – почти на месте.
В голове приливами ватный шум —
эхо тишины.

За окном – неизвестность.

Громко хлопнула дверь ни с того ни с сего.
Ветру шкодить тайком – любимое дело.
Вон из дома! Играйся иди с листвою.
Да и мне бояться уже надоело.
Лучше дом успокою, ему страшней.
Мы – под крышей, а он – вдалеке от улиц,
скрипит и вздрагивает, как во сне.
Подожду рассвет. Посижу на стуле.
Свечу зажгу, начну ворожить.
Под напев заговора дом успокоится.
А вокруг шевелится дикая жизнь.
Волк завыл в степи – тоже бессонница.
Покатилась по гребню луна, таясь.
Дети сладко сопят в гнездах кроваток.
Скоро вернется муж. А я

погрущу украдкой.

Поток мгновений

Смотрит вечность глазами звёзд.
Жизнь кружит в Колесе Сансары,
убегая как от пожара
и кусая себя за хвост.

Долгий миг и мгновенный век
хороводятся в общей чаше.
Дразнят хрониками Акаши
беспокойные мрак и свет.

Ты фрактально распределен
в многослойности вариантов.
Там – обычный, а тут – с талантом.
Где-то холост, а здесь пленен.

Только что нам до нас иных.
Может, мы там друг друга любим.
И встречаются наши губы
каждый день, и года тесны.

Здесь другая бежит стезя.
Катастрофы от столкновений.
Улетает поток мгновений
без возможных путей назад.

Рыжий ангел

Он ехал куда-то по узкой дороге.
Один или с кем-то, не знаю, ей-богу.
Мелькали дворы, а за дюнами – море.
Веселые черти сидели в моторе.
А кот возвращался с прогулки недавней,
мечтая о сливках и солнечной ванне.
Осталось чуть-чуть до родного порога.
И Рыжий привычно шел через дорогу.
Кот помнил, что транспорт его уважает.
Проблема «машины» не очень большая.
Но, видимо, этот не местный водитель
был слишком плохим человеком...

Простите,

коты и собаки за этого гада.
Мы крови одной с ним, но верю, когда-то
убийца в машине получит от жизни,
лишь сделал бы вывод полезный.

А Рыжий,
наверно, летает по райскому саду,
став ангелом рыжим и, может быть, – рядом.

Чудо авося

Мир катится к черту, а мы – о любви.
Наивные? Или так надо
и песни руладить, и гнездышки вить?
А рядом дурдом и торнадо,
и грозно пугают всемирным концом
от жажды, мутаций и грязи.
Но эти страшилки – как в бездну свинцом.
Привыкли, хотя и не праздник.

Тут главное – вера в могучий «авось».
Еще есть «кривая», – помогут.
Смещается полюс, болтается ось,
туманы сожрали дорогу,
а мы – о любви. По-другому – нельзя.
Хоть капелька света в туннеле.
Поэтому радостно блещут глаза,
и кровь будоражится в теле,
когда о любви. И тогда – хоть потоп,
и тянет назло размножаться.
Программа такая: раздавят в ничто —
цепляйся оставшимся пальцем.
А вдруг да прорвемся? Других замело.
Одни артефакты в заносах.
И этот мирок напросился на слом.
Но нам подфартило с «авосем».

Чудовище

Красивое чудовище, но душное,
исчадие амбиций человеческих,
набитое игрушками ненужными,
постройками, далекими от вечности.

Чудовищу прислуживают жители.
Они им от рождения отравлены, —
рабы и жертвы, паства и строители,
безропотны, послушны, обезглавлены.

Но роем снов являются забытые,
веками затушеванные радости.
И память освещается софитами,
Там все не так — от общего до малости.

Напевы моря, свежее дыхание
лохматых гор, ущелья каменистые,
и бабочек ажурное порхание,
и небо безмятежное и чистое.

Ты там родной, понятный и заботливый.
Мудрец и ученик, частица целого.
Тебе подвластно солнечное топливо.
Ты бурю разбиваешь в пену белую.

«Ты был таким!» – гласят скрижали памяти.
А нынче жалкий раб, забывший прошлое,
распятый на кресте уютной слабости,
не ведающий правду и хорошее.

...А город ждет отмеренную порцию
внимания, глотая приношения
отбросов, суеты, жуя эмоции.
Он бог твой, беспощадная вселенная.

Еще есть надежда

И вечер прохладней, и день стал короче.
Затихшее море уткнулось в песок
и что-то ему полусонно бормочет.
Спускается огненное колесо
за горы, роняя кипящие блики.
Потухшее небо зовет погрузить.
Плетется печаль по душе повиликой.
И сердце колотится в плотной сети
безвольной добычей осенних раздумий.
Тревога костляво царапает дверь,
урча плотоядно, как черная пума.
Бросаю ей клочья недавних потерь
и прошлых разлук. Пусть подавится болью.

Еще есть надежды на «всё впереди».
Еще не исполнены главные роли,
и можно игривые звезды удить
на лунный опарыш, придумывать сказки
под искры пьянящего дымом костра,
чтоб в каждом сюжете по лучшей развязке,
чтоб синяя птица будила с утра.
Чтоб музыка слов о волшебном и новом
однажды открыла особый портал.
Ведь наша Вселенная – тоже от Слова.
А прежде, наверно, возникла мечта.

Путешествие к себе

За сто земель веселых сказок
ушли беспечные года
с цветами-бабочками в вазах,
с «алмазным» замком изо льда.

Там я? Не верится. Смешная.
Порой встречаемся, бредем
по тонкой грани между снами
в уютный наш кирпичный дом
с огромным садом-огородом.

Спокойно в крепости любви.
Порхает счастье в небосводе.
Беседку тайнами обвил
густой, с тяжелыми кистями,
пахуче-сладкий виноград.
На окна зайчиков горстями
бросает солнце. Со двора
тропинка вьется по обрыву
на пляж. Там всюду чудеса:
ракушки, камни. В шляпке – сливы.
По коже – бризовый массаж.

Грядущее – за плотной шторой.
За ней, бесспорно, радость ждет:

открытий солнечные горы,
зовущий к звездам горизонт...

Смотрю на ту себя с улыбкой
и грустной завистью в глазах.
Поет о добром принце скрипка.
А где-то прячутся гроза,
пожар, ветра и тьма с потопом.
Но это позже. А пока
там дождь неопытный протопал,
забрызгав платьице слегка.

Набрав себе лукошко сказок,
иду из тех краев назад.
Ждут незаконченные пазлы.
Их жизнь кидает наугад.

Зимний набег

Приходит в чувства тусклая Луна.
Зима свалилась бурным снегопадом.
Его рожали тучи целым стадом.
В атаку шла белесая стена.

И Рыжая с ее пути ушла,
оставив павших воинов под снегом.
Но вскоре, разогретая от бега,
сгорела на прощание дотла.

Фонарь кружочком света отделил
себя от окружающего мрака
и задремал, забыв, как тихо плакал
вчерашний дождь, теряя капли сил.

Сомнения циклоном унесло.
Возврата нет к цветастому экстазу.
И почему-то легче стало сразу.

Слезится запотевшее стекло.
Выводятся прощальные слова,
загадочно плывя в неровных строчках.
А ближе к обновленной длинной ночи
застелена пушистая кровать.

Почти готов роскошный тронный зал.
Часы пошли с нуля. Ударил ветер,
взметнув осенний прах. В морозном свете
таращится зима во все глаза.

Кабы

Кабы не случай – не знали б друг друга.
Кабы не свет, не открылась бы ложь.
Так бы и шли обреченно по кругу,
где каждый год на ушедший похож.

Кабы не боль, не хотелось бы плакать.
Кабы не глупости – не было б драм.
Кабы не вовремя «добрые» враки,
не уносило бы к пятым углам.

Кабы не Бог, утатила бы бездна.
Кабы не черт, не влекло бы наверх.
Там, где без нас, – во сто крат интересней.
Все, что в руках, – скукота, как на грех.

Кабы не сны – затянуло бы в зиму.
Кабы не осень – опутал бы май.
Так и болтают по жизни незримо
зимняя правда и летний обман.

Дорожная зарисовка

Шины массируют спину дороги.
В темень шарахаются тополя.
Ветер сдувает дождливые строки
саги пути. Исчезает земля.

Так бы и ехать, и ехать бесцельно
в чреве Вселенной куда-то туда
(под бормотание слов колыбельной),
где хорошо, где реальна мечта.

Время уютно свернулось в салоне,
ловко сбежав от нападков дождя.
На лобовом примостилась икона
с ликом святого, о вечном грустя.

Рядом присела пустая тревога —
так, ни о чем, как попутчик ночи.
Музыка. Вялый поток диалога
мирно иссякший без веских причин.

И хорошо. Ехать молча приятней.
Дождь безнадежно отстал. Впереди
рванные тучи и желтые пятна
мелких огней. Время снова летит,
вырвавшись в окна. Усатый водитель

что-то сказал. Переспрашивать лень.
Я здесь немой, зачарованный зритель.

Мчится Луна, как Яга на метле.
Звезды колышутся. Встречные вспышки
бьют по глазам и уносятся вдаль.

Врезались в город. Знакомые крыши.
Ну, наконец... Впрочем, чуточку жаль.

Снежное

Какое счастье – снег пошел!
Отважно тая в томных лужах
и твердо веруя, что нужен,
он вниз летел со всей душой,
клочками, как в последний раз.

Но некто сверху передумал.
Закрылись облачные трюмы,
и неисчерпанный запас
поплыл неведомо куда.

Сияет солнце, как в апреле,
очередной раз на неделе,
и блещет радостно вода.

Трава нахальная не спит.
Качает ветви теплый ветер.
В грязи застряв, зима в карете
считает времени лимит.

Обманщица

Она загадочно-хитра и водит за нос
тебя, меня, других, таких же, как и мы,
любовно глядящих нетронутые сани
и ожидающих подарков от зимы
(вдруг разговееется на праздник ненароком
весельем горок и садами на стекле).
Глядится в лужу, поправляя легкий локон
зима-обманщица, с глазами, как елей,
в тончайшем платье из разорванных туманов.
Не интересно ей внизу. Она живет
в ущельях гор, крутя беспечные романы
с морозным ветром, где дырявят небосвод
вершины с белыми «овечками» на склонах.
Отары пышные ползут среди стволов
колючих стражей, наполняя отрешенно
теньями мрака ледниковое стекло.

Там солнце вяжет иней острыми лучами.
Под хрусталем искрятся сонные ручьи.
Зима другая здесь. Объятьями встречает
гостей, вручая от себя самой ключи.

Лунные письма

Небесный танец

Пойдем со мной в прозрачность неба.
Прохладой пышных облаков
накроем плечи. В царстве Феба
летать божественно легко.

В объятьях нежной эйфории
на крыльях света и ветров,
мы отдадим себя стихии
в чертогах сказочных миров.

Рисуя новые рассветы,
раскрасим жизнь в любимый цвет.
Напишем светлые сонеты
для зачарованных планет.

Когда вернемся, нам приснится
волшебный танец в небесах,
где мы с тобой, как две жар-птицы,
кружась, забыли о часах.

Любовь страшна

Бежать! Подальше от любви,
в глухой, забытый край Вселенной,
в уединенье половин,
где каждый сам в себе, один,
в объятья думы сокровенной.
Туда, где жухлая листва,
где тишиной болеет осень.
Там прояснится голова,
родятся умные слова.
Там в омут счастья не заносит.

Забиться. Спрятаться. Залечь.
Закрыться в раковину плотно.
Держа в руках холодный меч,
тоску безжалостно отсесть.
Осесть на дно бесповоротно...

Душа спокойствием полна.
По венам кровь бежит степенно.
И смотрит искоса весна.
Меж нами крепкая стена,
накаты чувств сползают пеной...

Но иногда лазутчик-грусть

находит брешь в ограде прочной.
И захлебнется вздохом грудь.
Засеребрится яркий путь.
Весна ворвется плотью сочной.

И наземь рухнут небеса.
Земля взовьется легким пухом.
Запретов жестких пояса
спадут. И чувство, как лиса,
проникнет в сердце рыжим духом...

Бежать! Бежать на край земли.
Любовь дотла сжигает разум.
Стоят печально на мели
прекрасных странствий корабли...
и ждут желанного приказа.

Уволенный хранитель

Она любила так, что плакал Ангел,
боявшийся видение спугнуть.
Дал перья подопечной и бумагу,
наладил арфе каждую струну.

Ее любовь и нянчил, и баюкал,
кормил из детской ложечки мечтой,
водил через препятствия за руку.
Любовь росла и выросла святой,
воспетая добротными стихами,
влюбленная, как ангел, в чистоту,
к земному по наивности глухая,
танцующая рифмой по листу.
Ее предмет – едва-едва оформлен, —
осваивает райские миры.

Но Ангел результатами доволен:
«Храни любовь и не благодари».

Жаль, корень у любви неожиданно высох.
Любовь зачахла. Ангел у плеча
оплакивал несбывшиеся выси,
молясь истоку жизненных начал.

Но та, что человек, все так же пишет,

пытаясь пламя скудное разжечь.

Уволенный Хранитель спит на крыше
расстройства в бесконечность этажей.

Волчья песня

Развеять бы пеплом по свету душевную боль.
Возможно, когда-то залечатся старые раны.
Давай-ка, волчара, затянем дуэтом с тобой,
укрывшись от города в чреве лесного тумана.
Споем о красивой любви и волшебных мечтах,
потом о несбывшихся
(ближе с которым не стали).
Прости, я всплакну, мне без слез
этой ночью никак.
И ноет душа, и в смятии звездные дали.

Прижмешься к ногам.
Будет грозно темнеть небосклон.
Устало опустишь глаза и вздохнешь терпеливо.
Потом запоешь, разгоняя полуночный сон,
а я подпою, как умею, вздыхая тоскливо.

Сочувствуя грусти, промчатся по кронам ветра.
Обрушится небо дождем в полыхании молний.
И вырвется боль из души, и уйдет во вчера.
Послушный покой
серой грустью пустоты заполнит.
И краски сойдут, и отступит в досаде огонь
того, что пьянило, сбивая летящим потоком.
Уснет непокой.

Ты доверчиво ткнешься в ладонь.
А утро погасит рассветом янтарное око.

Белая мечта

Я знаю, что однажды будет это:
в пахучие просторы разнотравья,
в края, где отдыхает в неге лето,
а небо в нежно-радужной оправе,
ворвусь на быstroногой кобылице,
сходя с ума от солнечных объятий...
Мне скачка эта каждой ночью снится.
А я сама – в красивом белом платье.

Любимая, спи

«Любимая, спи» ты мне пел под гитару.
Мелькали видения в пляске костра.
Пророчили нам быть счастливейшей парой.
«Любимая, спи» ты мне пел под гитару.
Но чувства сгорели в нелепом пожаре,
в костре, что держался почти до утра...
«Любимая, спи» — ты мне пел под гитару.
Мелькали видения в пляске костра.

Мелькали видения в пляске костра.
Я к чувствам прильнула твоим осторожно.
А рядом чернел назревающий крах.
Мелькали видения в пляске костра.
Как будто недавно, как будто вчера —
та боль, разорвавшая сердце безбожно...
Мелькали видения в пляске костра.
Я к чувствам прильнула твоим осторожно.

Я к чувствам прильнула твоим осторожно.
А в душу запали простые слова:
«Любимая, спи...». В них светилась надежность...
Я к чувствам прильнула твоим осторожно
когда-то в наивном и радостном прошлом.
У нас закружилась от звезд голова...
Я к чувствам прильнула твоим осторожно.

А в душу запали простые слова.

Мне в душу запали простые слова
и слепком хрустальным остались навечно.

Под пальцами чуть холодила трава...

Мне в душу запали простые слова...

И пусть серенада любви не нова,
светла и чиста, хоть порой быстротечна,
мне в душу запали простые слова
и слепком хрустальным остались навечно.
«Любимая, спи...

Зарисовка в пастельных тонах

Спит, как бог.

Рисую мягко на спине его картину:
остров, небо с облаками и штрихи густой травы.
Дождь в полосочку косую. А вторую половину
всю засеяла цветами и... дошла до головы.

Там подушечками пальцев

обнаружила «дорожку».

Утонула всей ладонью в чаще спутанных волос
и ногтями, будто в танце —

задушевном танце кошки
нацарапала на шее пляску крохотных стрекоз.

Он вздохнул, обняв подушку.

Я губами попыталась
написать каскад историй
на расслабленном плече...

Подсказала час кукушка. Ножка света золотая
осторожно из-за шторы оказала вазе честь
и скользнула по постели, заблудившись в одеяле.

Мой засоня безмятежно продолжает видеть сны.
Вновь рисую горы, ели.

Луч лениво лег в бокале.
Это утро льет любовно день из чаши тишины.

Танец на выживание

А мы танцуем, связанные случаем,
под музыку досады (раз-два-три),
друг друга попрекая днями лучшими,
то тихо, то, срываясь в злобный крик.

Безжалостно скрестились души взглядами,
срослись ладони в жесткий монолит,
Алеет под ногтями кожа пятнами,
но кровь лишь возбуждает «аппетит».

Теперь ни часа без реванша ярости.
Укус последний станет лучшим па.
Танцуем, загибаясь от усталости.
Любовь/обида/ненависть – слепа.

Убаюкана буря

Не делить нам ни троп, ни дорог,
где хлопочет назойливый ветер,
ни беседки (там глупый выюнок
тянет к небу зеленые плети),
ни ночей, ни проблем – ничего.
Не для нас распевает валторна,
призывая в поход кочевой
за рассветом.

С улыбкой притворной
утешает не друг и не враг
(то ли дух, то ли внутренний голос).
Не ходи, говорит, со двора
не спеши вслед медовому соло.
А неймайся бежать – посчитай
что-нибудь под глубокие вздохи.
Успокоится птица-мечта.
Ей и в клетке живется неплохо.

Пироги пропитала ваниль.
В чашке чая луна в полном свете.
Убаюкана буря, а штиль
раскидал непролазные сети.

Незабываемый вкус

Южная ночь расставляет ловушки.
Выверен ракурс луны и теней.
К небу прилипшие звездные мушки,
пляшут кокетливо в каждой волне.

Бриз шепотком пробегает по кронам
(ткут заговорщики тайную сеть).
Нежится радость в подушках на троне
и вдохновенно пытается петь.

Что-то щемящее трогает душу.
Взрывом по телу – полет «мотыльков».
Синяя птица, как нежная клуша,
квохчет, мечтой призывая любовь.

Шелком ложатся воздушные петли
знойных соблазнов. Что делать? – сдаюсь...
Южная ночь бродит призраком светлым
в памяти...

Незабываемый вкус.

Любимый

Любимый...

Слово то какое!

Со вкусом летнего тепла.

Парящим облаком покоя

ласкает губы. И мала

ему Вселенная для крика —

«любимый!»...

Шепотом — «люби...» —

смакую... Спелая клубника

и счастья лёгкие клубы...

Бесценно искреннее слово.

Взобью ему подушку снов

из бормотаний родниковых

и недописанных стихов...

Она нападает

Она не стучится, она нападает —
слепая, безумная, вечно пьяна,
с блаженной улыбкой посланницы рая.
Ей всё нипочем, и по голень волна.
И врет, будто счастье ее компаньонка.
И кормит из рук, и туманит глаза
пыльцой обещаний. И льнет собачонкой,
виляя хвостом и суля чудеса.
Уносит в нездешние звездные дебри,
мурлыча о крыльях.

И ты, как дурак,
вприпрыжку, раскрыв опрометчиво двери, —
за ней, без оглядки, под крики «ура!»,
забыв о соломке, о граблях, ушибах...

Уйдет, – и обрушится снегом тоска,
свернувшись на сердце увесистой глыбой.
И ты изменяешь «прощай» на «пока».

Пока ты путаешь дожди

Пока ты путаешь дожди,
слова, дороги, дни и ночи,
пока мерцает впереди
огня неведомый источник,
пока стремление бежать
в седую даль звенит пружиной,
и заполошная душа
ликует с ветром на вершине.
Пока есть вера в новый день,
в себя и завтрашнее лето,
и в то, что жизненный предел —
всего лишь веха для рассвета,
ты — жив... и даже в чем-то — бог.
Разводишь тьму, туманы, тучи,
ища удачу и любовь
в непроходимости дремучей.
И даже крюк потерь и лет —
не якорь. Было бы желанье
сказать судьбе дурацкой «нет!»
и полететь легко и плавно...

Как всегда

У тебя всё в лучшем виде, как всегда.
Ну а я – за дальней далью, как обычно.
Привыкаю не печалиться, не ждать,
подводя итоги жизни на отлично.

Да и разве что-то было? Легкий бриз
освежил мечтой распахнутую душу.
Сгоряча и показалось – где-то близь
раскудахталась индиговая клуша.

Ты же знаешь, если клуша на гнезде, —
это счастье и покой, любовь и радость.
От весны, сходя с ума, ликует степь.
И пустыне жаждой мучиться не надо.

Даже странно, что никто не виноват,
в том, что клуша – тривиальная кукушка
Раздарила яйца и почти права:
тоже птица и по-своему – несущка.

В общем вышло всё не так. Птенцы росли.
Оперение не синее, но вера
все держалась у поверхности земли,
удивляясь подрастающей химере.

Вот такая вышла песня про любовь.

Даже кот горланит в марте благозвучней.

Может, к лучшему, когда не в глаз, а в бровь?

Заживет. А вывод – к опыту, до кучи.

Хотите?

Хотите чашечку дождя, —
свежайшего, из летних тучек?
Наполнить море? – Да пустяк.
Дождь удалс`я. Со вкусом жгучим
густых рассветов и ночей,
надежды, радости, прохлады.
Как хорошо, что он ничей
и урожайный.

Что? Не надо?

Хотите просто наблюдать,
как пьют земля, трава и листья?
Благословенная вода
из побуждений самых чистых
сочится щедростью. И жизнь
брюхата новыми ростками.
В объятья «ян» стекает «инь»,
целуя влажными губами
горячий вечер.

Льётся дождь...

Хотите свежих ощущений?
Их в занебесье – звёздный ковш,
как молока у суки щенной.

Хотите? Я сегодня вам
могу отдать частицу лета

с дождём, где всё ещё жива
любовь, как оберег планеты.

И они улетели

Она собирает упавшие звезды
и строит из них зачарованный замок.
Другие не видят (увидеть не просто).
Наверное, надо смотреть не глазами,
а чем-то иным – объяснить невозможно.
Но это не важно. Она не скучает.
Одно беспокоит – другие дотошны.
Хоть время сверяй, – появляются к чаю
и тащат ее за собой, как собачку,
выгуливать (как же – она одинока),
жалеют бедняжку, старательно нянчат.
Она улыбается, трогая локон.
Смущенно кивает на звездные камни
(они в ожидании трепетно блещут).
Но те, что пришли, просто так не отстанут,
считая подругу свою сумасшедшей.
Приходится с ними идти.

Отрешенно

грустят фонари, осыпаются листья,
слова утекают рекой монотонной,
вздыхает Луна в заколдованной выси.

Упала звезда. Подобрать бы осколки.
Пускай не поймут, надо как-то решиться.
И ветер окутал мерцающим шелком.

Расправились крылья неведомой птицы.

Никто не заметил (увидеть не просто).

Земная частичка – в оставленном теле.

Но следом взметнулась не меньшего роста
крылатая тень. И они улетели.

Ты где-то далеко

И вновь я здесь. Всё тот же старый сад,
тенистый и заросший. Серенада,
чуть слышная...

И будто бы назад
вернулось время. Влажная прохлада.
Лишь бабочки (тревожный их полет)
душе напоминают – скоро осень.
А теплый ветер запахи разносит —
опавших ягод забродивший мед...

Ты где-то далеко. И мой покой —
заложником в плену твоём.

Беспечно,
с улыбкой представляю радость встречи.
Лицо горит.

Как жаль, не превратиться
мне хоть на время в сказочную птицу,
к нулю сведя проклятье расстояний.
Наполнен легкой дымкой синий вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.